

ДЕНЬ, КОГДА ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ

16+

ВЛАДИМИР КУРИН

Владимир Сергеевич Курин

День, когда всё изменилось

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63667891

SelfPub; 2021

Аннотация

Наступает день, когда ты открываешь глаза и твой дом кажется уже не таким, как прежде. Ты смотришь на все как-то иначе. Может, и ты уже не ты?

Владимир Курин

День, когда всё изменилось

Ты открываешь глаза и осматриваешься. Комната твоей квартиры кажется немного другой, не такой, как была прежде, но понимаешь - это твой дом. На стене, рядом с картиной, на которой изображен водопад, часы с маятником. Маятник раскачивается из стороны в сторону, но совсем тихо, без щелчков. Откуда-то из прошлого, из подсознания, всплывает недостающий звук маятника, он звучит издалека, гораздо тише, чем должен. Это звук из памяти, а здесь и сейчас в комнате его нет.

Ты чувствуешь себя как-то иначе, легко и свободно, так, как не было прежде. Трудно вспомнить было ли когда-то раньше такое же хорошее самочувствие, когда ничего не беспокоит, ни душу, ни тело. Такое странное, необыкновенное чувство, словно воцарилась гармония между твоим внутренним миром и миром остальным. Тебе совершенно не интересно что было до этого момента, каким было утро, что происходило днем. Ты не помнишь этого и даже не возникает ни малейшего желания погружаться в воспоминания. По крайней мере сейчас. Перед тобой большое открытое окно с широким подоконником, на котором ничего нет, кроме кактуса в темно-сером горшке. Земля в горшке влажная, поливалась вчера вечером или сегодня утром. Не помнишь. Дверь

на балкон тоже открыта, и ты выходишь.

Оглядываешься и делаешь глубокий, восторженный вдох полными легкими. Как можно было не замечать столь приятно прохладный и свежий воздух? Ноги почти стали ватными, и голова слегка закружилась, словно в хмельном дурмане.

Все вокруг кажется каким-то другим. Ты не пытаешься вспомнить каким это было пару дней назад или того больше, пару месяцев. Ты наслаждаешься тем, что видишь сейчас и пытаешься сформировать всю картину в, словно опустевшем, разуме. Был ли когда-то прежде так прекрасен закат, как сейчас, со своими багрово-синими переливами в облаках, с таким же ярким красноватым солнцем и бодрящей прохладой. А ветер, сколько в нем заботы, словно руками обнимает, такими родными, теплыми, почти материнскими, ласкает волосы на голове и кожу под ними, до мурашек по всему телу. Легонько трогает незримыми руками одежду, отчего волосы на теле вздымаются дыбом и бросает в легкую, приятную дрожь. Ты едва заметно улыбаешься, так, чтобы только уголки губ немножко приподнялись. Улыбка недопонятой радости.

Куда-то напрочь испарились все тревоги и думки о каких бы то ни было житейских заботах. Может их и вовсе нет, и не было никогда. Все кажется слишком странным для того, чтобы быть правдой или реальностью. Надеясь убедиться в том, что все происходит на самом деле, легонько касаешься рукой другую руку, чувствуешь прикосновение, но ни к телу,

а к кончикам волос, прикосновение свое... и чье-то еще, едва заметное. Это ветер. Он снова ласков и нежен, неспешно покрутился вокруг и снова отступил.

По двору бесшумно прокатил внедорожник, ты не заостряешь на нем внимания, но мысль о нем не оставляет тебя, даже когда он уже скрылся за углом многоэтажного дома. Ты не можешь сказать какого он был цвета, хоть и думаешь о нем. Внимание привлекает мальчишка, что несется по двору сломя голову и размахивает руками, он что-то кричит, видно, как его рот широко раскрывается, но не слышно ни звука. Мальчик кому-то кричит и машет, но его замечают другие дети, когда он уже перешел на шаг и направился в их сторону.. Ты не помнишь этого мальчишку, но понимаешь, что знаешь его, что часто видишь его во дворе, он живет в соседнем доме и приходит сюда поиграть со сверстниками. Если постараться напрячь память – вспомнишь его звонкий голос, но почему сейчас его не было слышно? Может простыл? А может сегодня ты слышишь другое? То, чего не было слышно раньше. Может сейчас все наоборот? Тишина зазвучала, а шум замолчал.

По-особенному слышен шум листвы на деревьях. Каждый листок, будто ожил и заговорил на знакомом языке, и, если захотеть, то с легкостью можно услышать их и понять. И тебе хочется прислушаться, даже не приходится как-то по-особенному сосредотачиваться, все получается легко и с первого раза. Листья дружно, почти в один голос твердят лишь

одно слово – осень. Пора прощаться, до весны. Тебе кажется лиственная жизнь короткой, но ты представляешь каждый день его летнего сезона: сколько капель утренних рос и ударов дождевых капель выдержал тонкий стебелек, который соединяет его с жизнью, сколько порывов ветра он сдержал. Он устал за эти месяцы и не может больше держаться за ветку. Его стебелек ослаб и однажды осенний, прохладный ветер сорвет его, унесет и бросит где-то вдали от родного дерева. Там он обретет покой.

Если прислушаться, можно услышать многомиллионный топот муравьиных лапок, у них подготовка к зимовке. Но многим из них не суждено дойти до муравейника, едва слышно крик муравьиной толпы – осторожно! Но крик запоздалый и твердая подошва наступает на землю, накрыв несколько десятков муравьиных родителей или детей. Повезло, подошва ребристая и многие угодили в углубления, но не все, часть погибла, кто-то остался на земле, корчась в предсмертных конвульсиях, а кого-то зацепила подошва и унесла в неизвестном направлении. Ну ничего, к весне вылупится новое потомство, и они будут ходить той же опасной тропой, каждый миг рискуя жизнью.

В небе воркуют стаи птиц, в первых рядах слышны призывы – держаться вместе, не отставать, долететь нужно без потерь. В небе проще, там нет подошв. Но там нет и еды, и есть могучий ветер. Потери неизбежны. И чьи-то крылья, так трудолюбиво бороздящие бескрайние небеса обессилят

и сложатся, отправив тело в последнее пике на съедение диким хищникам.

Весь мир вокруг дышит сейчас как-то иначе, не так, как вчера, вчера он, быть может, даже не дышал, он просто был, незаметным и обыденным. Но что случилось сегодня? Что изменилось? Мир стал легче. Он стал непривычно громким и шумным, и одновременно тихим, и умиротворенным.

Где-то вдалеке, а может в глубине сознания слышен голос, мужской голос. Он говорит что-то неразборчивое, иногда громко всхлипывает и снова говорит, что-то шепчет, а затем снова в голос твердит невнятные слова. Он не произносит имени, но что-то внутри подсказывает – это слова для тебя и тебе нужно идти к этому голосу, нужно найти мужчину, который так старательно что-то твердит, и что-то просит.

Спускаешься по ступенькам подъездной лестницы. Спускаешься без гулкого топота, словно паришь над бетонными ступенями, легонько приглаживая свежеевыкрашенные перила.

На улице много людей, как всегда. Одни куда-то спешат: на работу или по работе, по поручению руководства, в аэропорт, на вокзал, где вот-вот прибудет нужный поезд. Другие неспешно прогуливаются со стаканчиком кофе, гамбургером или чем-то вроде того. Третьи степенно отдыхают на лавочках. Но и первые, и вторые, и третьи одинаково беззвучно открывают рты, когда говорят друг с другом, смеются или что-то твердят в мобильный. Не слышно никого, кроме од-

ного голоса, который не дает покоя. Ты закрываешь уши ладонями, но он не смолкает и, даже, не стихает.

Ты знаешь куда нужно идти, поэтому без капли сомнения неспеша шагаешь в нужном направлении, и кто-то невидимый и неслышимый, словно приобняв, сопровождает. Он не ведет и не подталкивает, просто находится рядом. С каждым шагом голос становится чуть ближе и совсем немного громче. «Прости».

Ноги сами ведут, вопреки разуму, а желание найти источник голоса заставляет сердце биться быстрее и тревожнее. В один миг все звуки стихли. Колеса машин не шумят по асфальту, трамвай без стука и грохота проезжает по рельсам, словно парит в воздухе над ними. И нет ни малейшего звука турбин, пролетающего вверху самолета. Есть только голос.

Улица за улицей, мимо онемевших домов, мимо беззвучно упавшего подноса из рук неопытной официантки, пока еще открытого уличного кафе. Мимо, в миг умолкнувшего, колокола на соборе, шаг за шагом вверх по проспекту. Голос уже недалеко, где-то за углом, где больница, где в ряд, как на стоянке, стоят кареты скорой помощи с выключенными двигателями. Никого не спешат спасать, может уже всех спасли или никому не нужна помощь.

Ты слышишь, что голос уже ближе, где-то неподалеку тот мужчина чья мольба тебя сюда привела. Он непрерывно просит прощения. У кого и за что? Эти два вопроса тебя беспокоят. Откуда-то изнутри, из утробы, снизу – поднимается

волнение. Начинает появляться дрожь, слабая, почти незаметная, но внутри все содрогается и, впервые с момента пробуждения, появляется внутреннее, душевное беспокойство.

Белые, оштукатуренные стены. Слишком мало освещения для такого длинного коридора. Одна лампочка над входной дверью, другая в дальнем конце коридора, на тупиковой стене. Свет иногда моргает, словно лампы иногда перегреваются и начинают светить немного тусклее. Ты начинаешь понимать, что это за здание – по запаху формалина. В коридоре вдоль стен стоят несколько каталок со скомканными простынями, которые лежат сверху большой горой. Несколько закрытых дверей по сторонам и только из самой дальней на пол мрачного коридора падает свет, и иногда мелькает тень кого-то, кто ходит по комнате.

Голос совсем рядом, гулом расходится по коридору и отдается эхом в голове. В какой-то из этих комнат, за одной из пожелтевших дверей звучит этот голос. Он призывает в конце концов сделать несколько шагов вперед. Ты стараешься бесшумно сделать пару шагов и у тебя получается. Удивительно!

Внезапно за спиной распахивается со скрипом и грохотом входная дверь. Тебя удивляет, почему дверь не скрипела, когда твоя дрожащая рука ее открывала? Двое парней в белых халатах о чем-то говорят и улыбаются так, словно скрывают улыбки от окружающих. Их губы беззвучно движутся, тебя

это уже не удивляет. Один из них толкает каталку с телом, которое скрывает белая простынь. Они проходят мимо тебя и открывают дверь в комнату справа. Голос в один миг становится громче, и ты понимаешь, что он здесь, в этой комнате.

Заходишь вслед за парнями. По всей комнате стоят каталки. Десятки каталок. На каждой укрытое тело. Парни оставляют каталку и выходят. В комнате остаешься ты и он. Он стоит на коленях спиной к тебе, прямо посередине комнаты. Его руки мертвой хваткой вцепились в каталку. Он всхлипывает, но в какой-то момент затихает. Опускает руки, встает и поворачивается к тебе.

В тусклом освещении комнаты он кажется призрачно-прозрачным. Его лицо тебе не знакомо.

– Прости, – произносит, смотря тебе прямо в глаза.

Ты не понимаешь, о чем он говорит.

– Прости, – вновь повторяет он и снова поворачивается к каталке.

Почти сквозь него ты видишь, что тело на каталке накрыто, но не с головой. Тыходишь ближе, настолько, чтобы увидеть лицо покойника. Твое лицо.

Он снова поворачивается к тебе и раздается гром, но не на улице, не за этими стенами, а прямо здесь в этой комнате. Гремит раскатисто и с каждым разом все громче. Парень подходит вплотную к тебе и касается легко, даже, воздушно его прикосновение. Каждый раскат грома сопровож-

дает вспышка белого света и с каждой вспышкой перед тобой всплывают картинки.

За окном яркое солнце. Ты одеваешься. Выходишь из подъезда. Мимо проносится мальчишка из соседнего дома с криком – Пап, пока! По двору едет синий внедорожник. Водитель высовывается из окна, оглядывается и кричит мальчику – сынок, недолго гуляй, чтобы мама не волновалась. Ты сворачиваешь за угол и идешь вдоль дороги. Вечер. Ты гуляешь по пустынной улице с музыкой в наушниках. Самые любимые песни, под которые так хорошо мечтается. Прохладный ветер вынуждает вздрогнуть. За поворотом дом, горячий чай и теплый плед. Пьяный мужчина, после ссоры с супругой возвращается домой от друга. Дома жена и сын, которых он любит. На переднем сиденье цветы и игрушка. Он как раз смотрит на них, когда начинается поворот, но крепкие руки твердо держат руль прямо.

У тебя не было времени даже понять, что произошло. Ты слышишь громкий удар. Удар машины о бетонную стену. Несколько раз моргнули оранжевые огни и наступила темнота.

Вспышки яркого света прекратились и перед тобой стоит парень – водитель внедорожника.

– Прости, – снова произносит он.

Тыходишь к каталке и касаешься лица своего тела. Ты чувствуешь прикосновение к холодному лицу. Вздрагиваешь и хочешь закрыть лицо руками, но не можешь. Ты ощущаешь

на лице руки, но они, будто прозрачные. Смотришь вниз, на ноги, на руки, на тело. Но ничего нет. Тело смиренно лежит на каталке, а ты... все, что раньше жило в нем.